

У НАС НА ГАСТРОЛЯХ

Имя Грока в 30-е — 40-е годы знали почитатели цирка во всем мире. Знаменитый швейцарский клоун Грок был почетным доктором философских наук.

В 1969 году на Всемирном конкурсе клоунов в Италии Андрею Николаеву была вручена «Маска Грока». (Она присуждается авторитетным международным жюри раз в два года лучшему клоуну в мире).

ОСВЕЩЕННЫЙ лучом прожектора, на затемненном манеже появляется человек в обычном сером костюме. Звучит мелодия, лирическая и немного грустная, узнаваемая по той поэзии гитарных струн, которая будто родилась вместе с текстом:

От великого — шаг до смешного:
Стоит только шагнуть не туда,
И вся жизнь насмехаться готова,
И герой превратится в шута...

Он поет о том, как многолика жизнь, как в ней все перемешано — грустное и счастливое, запланированное и непредвиденное, комическое и трагическое, великое и смешное. Как после упорного незнания вдруг вспыхнет свет ослепительной славы и как порой трудно удержаться на ее вершине. Еще трудней — балансировать между крайностями, в которые жизнь ежесекундно бросает всех людей. И совсем трудно — остаться Человеком.

Секунда — и вспыхивает яркий свет, совершая чудесное превращение человека в сером костюме в клоуна: нос картошкой, на голове немислимый красный берет с хвостиком-морковкой, нелепо застегнутый голубой костюм, с загнутыми носками ботинки.

— Здравствуйте, я работаю клоуном. Меня зовут Андрияша...

В цирк Андрей Николаев попал случайно. Почти совсем как классическое: «Шел мимо циркового училища, цирк нравился, дай, думаю, зайду, вдруг поступлю».

Только он шел в училище Щепкина, в Академический Малый театр Союза ССР, поступать на актерский факультет. (Он любил комическое и знал в нем толк: его прирожденная страсть к юмору постоянно поддерживалась и

воспитывалась писателем-сатириком Владимиром Поляковым, с которым родители Николаева всю жизнь были в тесной дружбе). Выслушав абитуриента, почтенная комиссия сказала: «Знаете что, молодой человек, все это хорошо, только с вашей дикцией лучше в цирк идти». Комиссия, видно, пошутила, а Николаев задумался

ли не клоуном, то выпустить хоть жонглером. Три года после окончания училища так и было — «в конце концов хоть жонглером».

Потом он работал со всеми знаменитыми клоунами Советского Союза. Через семь лет после окончания училища, в 1965-м, он стал лауреатом первой премии европейского фестиваля циркового юмора в Софии, а еще через четыре года — заслуженным артистом и обладателем (пока единственным среди советских клоунов) «Маски Грока». Несколь-

ко месяцев назад ему было присвоено звание народного артиста республики.

В самом начале представления клоун Андрияша просит нас отложить все заботы до завтра, а сегодня смеяться вместе с актерами. Он обещает смешить.

Обещают — многие клоуны. Смешат — не все.

В эффе́кте восприятия искусства существуют свои, довольно жесткие законы, действующие подчас вопреки ожидаемому. Скажем, налицо комическая ситуация и четко выстроена режиссерская логика, отчего на репетиции смешно и постановщику, и актерам. А на спектакле зрителю — не смешно. Видимо, чтобы зритель засмеялся, постановщику необходим дар «сверхлогики».

Николаев этим даром обладает.

...Отыграла праздничная музыка, разлетелись белоснежные голуби (дрессировщицы — Марина и Эльвира Корчагины). Ни секунды не медля, деловито выходит Николаев с такой же белоснежной... курицей. Приветствуя зрителей, кивает куриной головой; озорно до-

сажая шпрыхсталмейстеру, грозит куриной лапой. Потом кладет курицу себе на голову и разводит руки — тоже дрессировщик! Попробуйте удерживать на голове курицу лапами вверх! Клоун Андрияша сам в восторге и удивляется, как это у него все ловко получается — на обыкновенном воздушном шарике держится шляпа, а потом, гуляя по всем частям его тела, сама возвращается, как намагниченная, на Андрияшину голову. И даже на голову шпрыхсталмейстера. Он ловко жонглирует бутылками и

горящими факелами, играет на трубе, показывает фокус, виртуозно крутит кульбиты и исполняет длинные клоуныские репризы, сольные и с партнером, — словом, делает все, что демонстрируют все на свете клоуны. И тем не менее его номера обладают особым обаянием, свойственным только его индивидуальности.

— Я и петь могу. Хотите? Каким голосом? Мужским или женским? (Нос-картошка вздернута, кокетливо покручивает ножкой в короткой голубой брючине). Что? Пьехи?... Аллы Пугачевой?... Погудите, певец много, а я один. Давайте по очереди...

Когда доходит очередь до жонглирования, он предложит зрителю из первого ряда попробовать, как это делается, даже доверительно учит, пока зал, по мягкому настоянию клоуна, не поаплодирует робкому успеху начинающего. Или попытается поймать жужжащую муху, которая, кажется, села на лысину почтенного гражданина. Ловит всерьез — даже готов пристукнуть подвчернувшейся под руку метлой! Или нет, может, со-

гнать ее, притихшую, обратным концом дворничьей метлы — не укусила бы голову гражданина!..

Николаев, как хороший психолог, устанавливая особый контакт с залом, умеет так «раскрепостить» зрителя, что даже самые «сердитые» на цирк, сами того не замечая, впадают в ребячливую способность хохотать над клоунадой. Артист выполняет обещание — он смешит по высшим законам комического: он всех вовлекает в игру, нигде не утрируя сверх меры, не допуская гру-

бых шуток (ему это просто не свойственно). Это его позиция — быть интеллигентным во всем, в клоунской профессии — особенно.

Восемь лет назад народный артист СССР Александр Ханов говорил о Николаеве: «Андрей Николаев молод и талантлив, обладает высокой культурой. И я уверен, что с годами, помимо умения остро подметить смешное и интересно это выразить, придет и зрелость мысли, зазвучат в его творчестве значительные гражданские темы, и зритель познакомится с новыми гранями его дарования».

Сейчас о Николаеве можно говорить именно так. Он клоун-импровизатор и клоун-философ. Смешивая серьезное и смешное в единое гармоничное целое, он устанавливает между собой и зрителем атмосферу столь неподдельного доверия, что зритель действительно откладывает свои заботы до завтра, а сегодня смеется или задумывается вместе с Николаевым. Николаевым — актером и режиссером, ощущающим специфику цирка тончайшим образом.

Автор и постановщик, он создает совершенно особый жанр представления, выходящий за русло общепринятых жанровых разделений. Благодаря его режиссуре программа «Я рабо-

таю клоуном» превратилась в цирковой эксцентрический спектакль, где каждый аттракцион — это короткий рассказ со своей сюжетной драматургией. В целые юмористические сценки превращаются блестящий партерный полет акробатов под руководством В. Шатина или аттракцион «Женщины» акробатов-прыгунов под руководством В. Пироговского, великолепный музыкальный номер заслуженной артистки РСФСР Е. Амвросьевой или аттракцион с бочками акробатов Сунгуровых. Для своего спектакля режиссер-постановщик либо сам ставит аттракционы, либо берет по возможности те, которые в той или иной мере отражают эстетику его цирка. К своему представлению об искусстве цирка Николаев шел всю жизнь, целенаправленно и самоотверженно.

Будучи заслуженным артистом РСФСР, доцентом кафедры режиссуры ГИТИСа, популярным клоуном, признанным не только в нашей стране, он в 1976 году решает уйти с большого манежа, чтобы в Московском цирковом музее-холле (была такая организация при московском коллективе «Цирк на сцене») начать осуществление своей мечты — создать цельный спектакль, вмещающий все представления о цирковых жанрах в единое понятие слова «цирк».

...Он вернулся на арену год назад, со своим отточенным мировоззрением, со своим осмыслением искусства клоунады как творчества серьезного, большого и многоликого. Как многолика жизнь.

Потому и родились эти строки клоуна-публициста в начале спектакля:

Так и буду шутом
многоликим
И, шагая, не стану иным.
Кто захочет — пусть будет великим,
Ну а я — захотел стать смешным...

Он делает важное и нужное дело. Он работает клоуном.

Л. АСТРОВА